

Боссюэтъ, епископъ москій, и значеніе его для католической церкви во Франціи.

(Окончаніе).

III.

Въ 1681-мъ году 27-го апрѣля Боссюэтъ былъ наречень москимъ епископомъ. Но прежде чѣмъ изъ Рима получена была въ Парижѣ утвердительная грамота объ этомъ, москій орелъ успѣлъ отличиться на иномъ поприщѣ дѣятельности. Не задолго до этого времени возникъ жаркій споръ между Людовикомъ XIV-мъ и папою Иннокентіемъ XI-мъ изъ-за права королевской регалии. Такъ называлось право, по которому французскіе короли могли не только получать доходы съ вакантныхъ епископій и аббатствъ, но и раздавать по личному желанію и выбору извѣстнымъ лицамъ должности и приходы, принадлежащіе къ этимъ епископіямъ. Такимъ правомъ властители Франціи пользовались издревле. Еще съ 10-го вѣка они объявляли себя покровителями разныхъ парижскихъ и провинціальныхъ храмовъ, главными патронами тѣхъ или другихъ французскихъ церквей, и потому смѣло присвоивали себѣ: 1) право полученія опредѣленной суммы церковныхъ доходовъ,—2) право раздачи каждому высшихъ и низшихъ церковныхъ должностей, достоинствъ ¹⁾. Но предше-

¹⁾ Kirchengeschichte der neuern zeit, von der Reformation....—Von Baur, B. 1. S. 300.

ственники Людовика XIV-го имѣли подобное право не во всѣхъ провинціяхъ франц. королевства, а честолюбивый Людовикъ XIV-й не терпѣлъ никакихъ ограниченій своей власти. Онъ желалъ быть неограниченнымъ государемъ всей рѣшительно Франціи, и потому въ 1673-мъ году приказалъ распространить право королевской регаліи и на провинціи— Бретань, Лангедокъ, Провансъ, Дофинѣ. Французскій клиръ, который не смѣлъ противорѣчить капризной волѣ могучаго монарха, молча принялъ этотъ высочайшій приказъ. Только два епископа, Каулеръ Алескій и Павильонъ Памьберскій, съ своими капитулами рѣшились воспротивиться такому насильному посягательству свѣтской власти на священно-церковныя права духовной власти. Иннокентій XI-й, который носилъ тогда папскую тиару, не замедлил вмѣшаться въ это дѣло и сталъ на сторонѣ противниковъ короля. Въ своихъ повелительныхъ бревѣ, онъ загромождалъ страшными анафемами и угрозами непокорнаго французскаго монарха, заявляя тѣмъ обычную претензію римской куріи на исключительную верховность своей власти надъ властію сильныхъ земли. «Отъ регалій, писалъ папа къ Людовику, только увеличивается зло, затрудняется сборъ бенефицій, попираются ногами законныя права епископовъ». Но одними словами и письменными увѣщаніями нельзя было подѣйствовать на непреклоннаго, вѣнценоснаго сына и патрона франц. церкви. Поэтому грозный папа рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству. Онъ отлучилъ отъ церкви какъ самого Людовика XIV-го, такъ и его регалистовъ, т. е. всѣхъ тѣхъ французскихъ клириковъ, которые держались королевской партіи. Чтобы сильнѣе отмстить за это и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать папѣ свою власть, Людовикъ созвалъ въ Парижъ въ 1682 году главныхъ представителей французскаго клира, вполнѣ рассчитывая на ихъ вѣрно-подданническія чувства. Желая еще вѣрнѣе обезпечить за собою

успѣхъ предстоящаго дѣла, предусмотрительный король вы-звать въ Парижъ не ультрамонтановъ, которые всегда стояли за папу, а галликановъ, которые дорожили свободою національной церкви и не терпѣли папскихъ насилій. Вотъ почему собравшіеся въ столицу Франціи архіепископы, епископы и 34 депутата отъ низшаго духовенства готовы были скорѣе выполнить волю законнаго монарха, чѣмъ перейти на сторону ультрамонтановъ. Впрочемъ они и потому еще не могли сопротивляться королевской власти, что ихъ карьера вполнѣ зависѣла отъ произвола короны, которая раздавала имъ бенефиціи и мѣста. Тѣмъ менѣе могъ противорѣчить Людовику XIV-му благодѣтельствованный имъ всецѣло Боссюэтъ. Зная это, король уполномочилъ его быть главнымъ предсѣдателемъ на предполагаемомъ парижскомъ соборѣ. Удостоенный такого лестнаго вниманія и всеобщаго почета, москій епископъ открылъ соборныя засѣданія блистательною рѣчью объ единствѣ церквей. Знаменитый ораторъ прежде всего расхвалилъ галликанскую церковь, какъ всегда богатую образцами просвѣщенной учености, рѣдкихъ нравственныхъ добродѣтелей, потомъ высказалъ, что цѣль настоящаго собранія клира—примирить отца съ дѣтьми, главу тѣла съ его членами и тѣмъ возстановить миръ и единство церкви. Далѣе Боссюэтъ внушаетъ покорность королевскому авторитету, какъ самому главному, твердому основанію всякаго общественнаго порядка, называя возстаніе на короля позстаніемъ на порядокъ, установленный самимъ Богомъ.

Въ заключеніе рѣчи Боссюэтъ хвалитъ римскую церковь, именуя ее матерію, свѣтомъ для всѣхъ церквей ¹⁾ и т. п. Эта краснорѣчивая рѣчь, при всемъ энтузіазмѣ оратора, носитъ на себѣ печать глубокой, затаенной грусти, сильной душевной тревоги. Авторъ противъ воли принужденъ былъ

¹⁾ Эта рѣчь помѣщена въ X томѣ *Oeuvres de Bossuet*, edit 1736—37 г.

коснуться вопроса объ отношеніи папскаго авторитета къ авторитету королевской власти. Ему грозила опасность—съ одной стороны прогнѣвать папу и навлечь на свою голову его страшныя анафемы, а съ другой—раздражить легко раздражавшагося монарха Франціи и чрезъ то подвергнуться еще большимъ бѣдамъ. Понятно, что, въ виду такой бездны между Сциллою и Харибдою, духъ Боссюэта сильно безпокоился, не зная, какъ лучше выпутаться изъ затруднительнаго положенія. Но такъ или иначе, а онъ обязанъ былъ рѣшить роковой вопросъ. И вотъ, вслѣдъ за вступительною рѣчью, онъ приступаетъ вмѣстѣ съ другими членами парижскаго собора къ разсужденію о правѣ королевской регалии. Дѣло рѣшено было, какъ и слѣдовало ожидать, въ пользу короля французскаго и немедленно было отправлено къ папѣ для окончательнаго утвержденія. Пораженный какъ бы громомъ, пана цѣлыхъ 3 мѣсяца томилъ франц. прелатовъ напрасными ожиданіями и наконецъ разразился грознымъ бревномъ, въ которомъ не только не одобрялъ, а напротивъ повелѣвалъ вычеркнуть изъ декретовъ парижскаго собора все, что только говорилось о правѣ регалии. Между тѣмъ, пока составлялась эта гнѣвная булла въ теченіе 3-хъ-мѣсячнаго промежутка времени, соборъ франц. клириковъ-галликановъ успѣлъ провозгласить свою любимую теорію о свободѣ національной церкви и независимости ея отъ незаконныхъ притязаній римскаго первосвященника, относительно церковной дисциплины.

Въ засѣданіи 19-го марта 1682-го года Боссюэтъ отъ лица всего французскаго духовенства торжественно продиктовалъ четыре знаменитыя положенія, извѣстныя подъ именемъ: *Quatuor propositiones cleri Gallicani* ¹⁾. Первое изъ нихъ

¹⁾ Всѣ эти 4 положенія помѣщены въ 10-мъ томѣ полнаго собранія сочиненій Боссюэта, изд. въ 1736—37 г. Ср. *Christliche Kirchengeschichte*—von Schröck. B. VII. S. 339—340

читалось такъ: «апостолу Петру и его преемникамъ, намѣстникамъ Христовымъ, дарована отъ Бога власть надъ дѣлами, принадлежащими къ духовному и вѣчному блаженству, а не надъ мірскими, свѣтскими и временными дѣлами, поелику Господь сказалъ: *царство Мое нѣсть отъ міра сего; воздадите убо кесарева кесареви, и Божія Богови* ¹⁾. Такимъ образомъ короли и князья, по божественному распоряженію, не подчинены никакой церковной власти; ихъ нельзя отрѣшати отъ должности ни непосредственно, ни посредственно, и подданные никогда не могутъ быть освобождены духовною властію отъ законной присяги въ вѣрности своимъ законнымъ государямъ. Такое ученіе необходимо для общественнаго спокойствія, полезно для церкви и государства и согласно съ ученіемъ слова Божія и мнѣніями святыхъ отцевъ церкви». Остальными тремя статутами Боссюэтъ ограничиваетъ власть папы и надъ дѣлами духовными. По смыслу этихъ статутовъ, власть соборовъ выше власти папы. Поэтому папа долженъ во всемъ согласоваться съ каноническими опредѣленіями вселенскихъ соборовъ, такъ что безъ этого согласія его рѣшенія не слѣдуетъ считать непреложными и непогрѣшимыми. Кромѣ того папа не можетъ постановить ничего такого, что противорѣчило бы вѣковымъ, постояннымъ обычаямъ и церковной практикѣ, общепринятой во Франціи. Какъ видите, подобными статутами прекрасно гарантировалась свобода галликанской церкви отъ ультрамонтанскихъ злоупотребленій папскимъ авторитетомъ. Вотъ почему галликанцы и до сихъ поръ дорожатъ правилами этой «декларациі» парижскаго собора 1682 года. Въ этой «декларациі» выразилась національная самостоятельность и самоправность французскаго клира. Собственно говоря, содержаніе четырехъ означенныхъ статутовъ не привнесло ничего новаго къ прежней теоріи

¹⁾ Матѳ. XXII, 21.

галликанизма. Подобныя правила галликанская церковь исповѣдывала во всѣ времена. Но если по содержанію своему статуты не представляютъ ничего особеннаго; за то они интересуютъ всѣхъ и каждого своимъ особымъ характеромъ. Въ 4-хъ статутахъ этой «деклараци» отразился свободный и рѣшительный скептицизмъ временъ реформаціи. Только вліяніемъ этого духа времени, да желаніемъ угодить Людовику XIV-му, можно объяснить тотъ историческій фактъ, что такой жаркій поклонникъ папскаго авторитета, какимъ былъ Боссюэтъ ¹⁾, отважился составить правила, ограничивающія папскую власть. Въ этомъ дѣлѣ онъ употребилъ всѣ силы своего генія, и только послѣ большихъ усилій могъ примирить свое уваженіе къ папѣ и религіозность, какъ епископа, съ покорностію государственнаго человѣка. Сотрудники его по этому дѣлу достойно оцѣнили его стараніе и труды. По составленіи «деклараци» и утвержденіи ея королевскимъ эдиктомъ, соборъ прелатовъ отправилъ ко всѣмъ епископамъ Франціи особый циркуляръ, въ которомъ формально объявлялъ, что «счастливое окончаніе дѣла должно быть наиболѣе приписываемо краснорѣчію и учености москаго епископа, который возбуждалъ всѣхъ къ взаимному единодушію и къ поддержанію единства церкви» ²⁾. Вообще «деклараци», составленная Боссюэтомъ, была принята всѣми съ восторгомъ, такъ какъ подтверждала всегдашнюю доктрину сорбонскаго университета, и была признана современниками основнымъ базисомъ для свободы галликанской церкви. Людовикъ XIV-й до такой степени остался довольнымъ этой декларацией, что издалъ особый указъ, которымъ повелѣвалось, чтобы «никто въ цѣломъ французскомъ государствѣ не училъ во-преки ея

¹⁾ Мы видѣли, какъ онъ усиливался проводить папскія теоріи и воззрѣнія въ своемъ: «Exposition de la doctrine de l'eglise Catholique.

²⁾ Vie de Bossuet, chap. X, p. 108.

4-мъ статутамъ, чтобы эти правила были немедленно прочитаны во всѣхъ университетахъ и распространяемы епископами по всѣмъ французскимъ діоцезіямъ» ¹⁾). Конечно, король покровительствовалъ галликанизму потому, что эта теорія благоприятствовала его идеѣ о независимомъ монархизмѣ и не мѣшала ему быть неограниченнымъ властителемъ всей Франціи. Но что нравилось гражданскому монарху, то, очевидно, не могло понравиться духовному монарху западнаго міра. Папа Иннокентій XI никакъ не могъ благосклонно принять такіе статуты парижскаго собора, которые прямо клонились къ ограниченію его первоверховной власти. Четыре знаменитыхъ статута «парижской деклараціи 1682 года», по которымъ папа подчинялся, согласно съ древними канонами, вселенскому собору, которыми отвергалась непогрѣшимость папскихъ предписаній въ дѣлахъ вѣры, могли, разумѣется, возбудить въ Римѣ одно только сильнѣйшее негодованіе. Поэтому французскіе прелаты, участвовавшіе въ рѣшеніяхъ парижскаго собора 1682 года, заблаговременно старались письменно извиниться и, если можно, оправдать себя предъ грознымъ католическимъ судією. Однако сердитый намѣстникъ папскаго престола не только не простилъ ихъ, а торжественно сжегъ въ Римѣ присланную ему копію съ французской деклараціи 1682 года, и затѣмъ сталъ укорять весь французскій клиръ «за невѣрное и нерадивое поведеніе, за нарушеніе церковной свободы, даже за недостатокъ живой и сердечной вѣры» и т. п. Тогда король Франціи, желая подѣйствовать на папу мѣрами разумаго убѣжденія, поручилъ Боссюэту написать что-либо въ защиту парижской деклараціи. Покорный волѣ монарха, Боссюэтъ немедленно исполнилъ данное ему порученіе. И вотъ является его апологетическое сочине-

¹⁾ Louis XIV, son gouvernement... par Carpefrique, t. 11. Ch. XX, p. 98—120.

ніе ¹⁾, въ которомъ онъ доказываетъ справедливость и законность упомянутой деклараціи на основаніи исторіи древней церкви. При этомъ Боссюэтъ рельефно обрисовываетъ несправедливость папскихъ притязаній на исключительный и повсемѣстный монархизмъ. Особенно удачно сдѣлано въ обѣихъ частяхъ этого защитительнаго посланія ²⁾ подтвержденіе высшей силы и власти церковныхъ соборовъ. Такая апологія, естественно, не только не уменьшала, а еще сильнѣе раздувала пламя папской непрязни. Римскій первосвященникъ не вытерпѣлъ и рѣшился явно засвидѣтельствовать свое крайнее недовольство на подобныя поступки французскихъ прелатовъ. Онъ отправилъ въ Парижъ буллу, въ которой высказалъ, что не хочетъ впередъ признавать и утверждать въ санѣ епископскомъ тѣхъ французскихъ клириковъ, которые, какъ регалисты, будутъ избираемы по произволу короля. Оскорбленный этимъ отказомъ въ священной санкціи, гордый Людовикъ XIV-й запретилъ было французскому клиру обращаться къ Риму за утвердительными грамотами. Вслѣдствіе этого болѣе третьей части епископскихъ кафедръ во Франціи оставалось не замѣщенными не только во все остальное время жизни Иннокентія XI, но и при его преемникѣ, Александрѣ VIII ³⁾. Уже при Иннокентіѣ XII-мъ, 14-го сентября 1693 года, король Франціи собственноручнымъ письмомъ къ папѣ окончилъ этотъ долгій раздоръ между римскою курією и французскимъ духовенствомъ.

По закрытіи засѣданій парижскаго собора, Боссюэтъ отправился въ городъ Мо для управленія москою епископією.

¹⁾ Заглавіе этого сочиненія въ подлинникѣ читалось такъ: «*Defensio declarationis celeberrimæ, quam de potestate ecclesiastica sanxit clerus gallicanus*».

²⁾ Оно помѣщено въ 10-мъ томѣ полнаго собранія сочиненій Боссюэта, изд. бенедиктинцами въ 1636—37 г.

³⁾ *Vie de Bossuet*, ch. X, p. 108—111.

Пылкому и энергическому уму его здѣсь открывалось широкое поле для дѣятельности. Моская церковь, слабо управляемая до той поры престарѣлыми епископами, была богата разными внутренними церковными нестроениями. Пользуясь слабостію такихъ пастырей-управителей, аббаты не слишкомъ много радѣли объ интересахъ римско-католической церкви и объ аккуратномъ выполненіи священныхъ обязанностей. Благодаря такимъ благопріятнымъ условіямъ, кальвинизмъ быстро распространялся въ московской епархіи и легко вытѣснялъ собою католицизмъ. Организовавшаяся здѣсь еще въ 1546 г. первая протестантская община свободно укрѣплялась и развивалась, не встрѣчая себѣ нигдѣ сильной реакціи со стороны католиковъ. Вотъ почему, при вступленіи Боссюэта на москвій епископскій престолъ, въ одномъ городѣ Мо насчитывалось до 3000 кальвинистовъ. Итакъ новому епископу надлежало дать немедленно рѣшительный отпоръ такому сильному развитію реформациі въ московской церкви. А для достиженія этой цѣли ему слѣдовало прежде всего пробудить, поддержать духъ католицизма, упавшій въ этой церкви,—пужно было уврачевать нравственные недуги московскихъ католиковъ и тѣмъ возвысить католицизмъ въ глазахъ иновѣрной партіи. Боссюэтъ такъ и сдѣлалъ. Но такъ какъ *одинъ въ полѣ не воинъ*, то первую мыслію москаго епископа было воспитать и приготовить себѣ способныхъ, дѣятельныхъ сотрудниковъ—искусныхъ католическихъ миссіонеровъ-проповѣдниковъ. И вотъ, не теряя ни минуты золотого времени, предприимчивый епископъ приступаетъ къ преобразованію московской семинаріи, которая служила тогда единственнымъ мѣстнымъ разсадникомъ лицъ, споспѣшествующихъ римско-католической пропагандѣ. Желая образовать изъ семинаристовъ образцовыхъ гомилетовъ не по теоріи только, но и на практикѣ, умный архипастырь распорядился такъ, что воспитанники семинаріи,

слушавшіе богословскій курсъ наукъ, въ каждый воскресный и праздничный день поочередно произносили въ москитхъ храмахъ популярныя, народныя проповѣди и катехизическія бесѣды. Заботливый руководитель ихъ—епископъ лично составлялъ для нихъ подробныя инструкціи относительно содержанія, формы и характера этихъ народно-церковныхъ бесѣдъ. Онъ увѣщевалъ неопытныхъ учителей католицизма избѣгать въ своихъ поученіяхъ бесполезнаго многословія, скучнаго и утомительнаго для слушателей. Онъ совѣтовалъ имъ не слишкомъ много хлопотать объ изящной отдѣлкѣ своихъ рѣчей, а лучше говорить ихъ кратко, просто, ясно и вразумительно. А чтобы возбудить въ молодыхъ проповѣдникахъ началъ католическаго вѣроученія и морали взаимное соревнованіе и усердіе къ труду, предусмотрительный ихъ педагогъ прибѣгалъ къ разнымъ наградамъ и наказаніямъ и другимъ поощрительнымъ мѣрамъ. Кто изъ практикующихся миссіонеровъ католицизма отличался на поприщѣ церковно-ораторской дѣятельности, тотъ и въ семинаріи получалъ разнообразныя лавры побѣды, а по окончаніи курса занималъ лучшій приходъ. Иная участь ожидала и постигала тѣхъ лицъ, которые не проявляли особенныхъ проповѣдническихъ дарованій и успѣховъ съ высоты церковной каѳедры. Ихъ въ семинаріи не слишкомъ жаловали, а по выпускѣ изъ нея и вовсе забывали про ихъ существованіе. Также энергично и къ тому же самому Боссюэтъ побуждалъ тѣхъ, которые уже посвятили себя на служеніе церкви. Онъ, нисколько не задумываясь, лишалъ мѣста, штрафовалъ взносомъ извѣстной суммы денегъ, или переводилъ съ богатаго прихода на бѣдный тѣхъ католическихъ священно-церковнослужителей, которые не преподавали слова Божія своимъ пасомымъ. Къ чести москаго епископа нужно замѣтить при этомъ и то еще, что подобнымъ крутымъ его мѣрамъ всегда предшествовали мѣры разумнаго

убѣжденія и частыя архипастырскія увѣщанія. Въ продолженіе 22-лѣтняго епископскаго правленія москою церковію Боссюэтъ ежегодно собиралъ у себя въ домѣ аббатовъ своей епископіи и каждый разъ просилъ, увѣщевалъ и убѣждалъ ихъ—произносить краткія, но разумныя, практически-полезныя поученія прихожанамъ при совершеніи разныхъ церковныхъ службъ, требъ и таинствъ. Не ограничиваясь одними словесными такими инструкціями, Боссюэтъ очень часто самъ лично подавалъ всѣмъ примѣръ и всѣхъ возбуждалъ къ энергичной проповѣднической дѣятельности. Дѣятельный епископъ постоянно ораторствовалъ съ своимъ обычнымъ, чуднымъ краснорѣчіемъ не только въ кафедральномъ соборѣ московъ, но и въ другихъ храмахъ своей епархіи. Предлагая здѣсь народу истины католической религіи въ своеобразной, увлекательной и удобопонятной формѣ, попечительный пастырь скоро обратилъ особенное вниманіе на религіозно-правственное воспитаніе дѣтей. Онъ замѣчалъ, что до тѣхъ поръ имъ преподавали и въ школахъ и дома однѣ только основы католицизма, безъ всякихъ очерковъ его историческаго развитія. Епископъ москій пожелалъ немедленно восполнить этотъ существенный недостатокъ,—и вотъ, подъ его надзоромъ и совѣтомъ, аббатъ Флери издаетъ «Catechisme historique», который долгое время считался у католиковъ лучшимъ руководствомъ для первоначальнаго образованія юношества ¹⁾. Вскорѣ за тѣмъ Боссюэтъ самъ составилъ краткій катихизисъ ²⁾, подраздѣляющійся на три части. Первая часть предназначается для только что начинающихъ и приступающихъ къ религіозно-католическому просвѣщенію; вторая—для болѣе развитыхъ дѣтей,

¹⁾ Vie de Bossuet, chap. XI, p. 120—123.

²⁾ Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: «Catechisme du diocèse de Meaux, avec un autre catechisme sur les fetes et autres solennités et observance de l'Eglise».

а третья, самая возвышенная,—для христіанъ всякаго возраста и пола. Говорить о содержаніи этого произведенія считасмъ излишнимъ. Оно понятно съ перваго раза. Скажемъ только, что сочиненіе это отличается особенною сжатостію и простою рѣчи.

Прилагая такія усиленныя старанія къ дѣлу распространенія въ обществѣ основныхъ началъ католической догматики и исторіи, москій епископъ не менѣе старался о церковномъ благочиніи и порядкѣ въ своей епархіи. До пріѣзда Боссюэта въ Мо, провинціальныя аббаты этой «діоцезіи» слишкомъ лѣнливо собирались и дѣйствовали на областныхъ церковныхъ «конференціяхъ». Такъ назывались съѣзды священниковъ для соборнаго разсужденія о церковныхъ дѣлахъ.. Эти «конференціи» должны были происходить въ каждомъ изъ 10 уѣздныхъ округовъ москвой епископіи одинъ, или даже два раза въ мѣсяцъ. Смѣтливый умъ Боссюэта скоро понялъ необходимость и фактическую пользу подобныхъ благочинническихъ совѣщаній. Вотъ почему, какъ скоро управленіе москвою церковію попало въ его руки, онъ употребилъ всѣ усилія для возбужденія въ москомъ духовенствѣ духа взаимнаго соревнованія и стремленія къ труду. Для большаго усовершенствованія помѣстныхъ церковныхъ «конференцій», предприимчивый епископъ пожелалъ собственно-ручно начертать планъ, порядокъ и ходъ этихъ священническихъ совѣщаній. А чтобы показать на самомъ себѣ поразительный примѣръ того прилежанія и тѣхъ заботъ, какія необходимо требуются вездѣ и всегда со стороны церковныхъ управителей, знаменитый прелатъ не только регулярно присутствовалъ на всѣхъ аббатскихъ «конференціяхъ» въ городѣ Мо, но часто посѣщалъ и провинціальныя «конференціи» въ разныхъ уѣздахъ своей «діоцезіи». При этомъ онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ соборныхъ разсужденій на этихъ собраніяхъ клири-

ковъ, лично обсуждалъ предлагаемые для рѣшенія вопросы и не иначе, какъ послѣ долгаго и глубокаго размышленія, произносилъ свое сужденіе объ извѣстномъ лицѣ или предметѣ. Не менѣе рачительно Боссюэтъ совершалъ и свои епископскія «визитаціи» по москвой «діоцезіи». Онъ думалъ, что только путемъ личнаго наблюденія можно вѣрно и коротко познакомиться съ церковными нуждами и положеніемъ дѣлъ ввѣренной ему епископіи. Вслѣдствіе подобныхъ практическихъ соображеній аккуратный епископъ ежегодно отправлялся въ путь для обзора той, или другой провинціи своей епархіи. Во время такихъ «визитацій» наблюдательный епископъ глубоко вникалъ въ состояніе извѣстной мѣстной церкви, подробно и заботливо спрашивалъ членовъ ея о всѣхъ церковныхъ нуждахъ, дѣлахъ и, сообразно съ отвѣтомъ, всегда предлагалъ вопрошаемымъ пастырскія инструкціи, приличныя времени и мѣсту. И надобно сознаться, что авторитетъ его слова, тяжесть его упрековъ часто до такой степени трогали сердца слушателей, что отклоняли ихъ отъ разныхъ дурныхъ поступковъ. Благодаря своимъ частымъ епархіальнымъ обзорамъ, Боссюэтъ узналъ, что народъ слишкомъ мало понимаетъ смыслъ и значеніе римско-католическаго богослуженія, не знаетъ молитвъ и не по-христіански проводить дни церковнаго торжества. Это заставило неусыпнаго руководителя душъ москыхъ католиковъ немедленно предпринять и противъ такихъ недостатковъ рѣшительныя мѣры. Въ самое короткое время онъ написалъ для католическихъ простолюдиновъ 1) ясное и подробное «Explication de quelques difficultés sur les prieres de la messe; 2) Prieres ecclesiastiques pour aider les chretiens à bien entendre le service de la paraisse aux dimanches et aux fêtes principales; 3) Statuts et ordonnances synodales pour le diocese de Meaux sur la celebra-

tion des fêtes» 1). Все это, разумѣется, проникнуто римско-католическимъ духомъ и характеромъ. Въ то же самое время Боссюэтъ не оставлялъ безъ назиданія и монашествующихъ лицъ своей «діоцезіи». Извѣстно, что кромѣ 700 писемъ къ нимъ религіозно-нравственнаго содержанія онъ написалъ для нихъ же 1) «les Elevations sur les mysteres» и 2) «les Meditations sur l' Evangile» 2). Въ первомъ сочиненіи авторъ про-бѣгаетъ исторію религіи отъ начала ея до рождества Христа. Во второмъ—раскрываетъ проповѣдническую дѣятельность нашего Господа Иисуса Христа на землѣ и вмѣстѣ трактуетъ о средствахъ и плодахъ искупленія Имъ человѣческаго рода. Но главнымъ образомъ оба эти произведенія исчерпываютъ весь составъ католицизма. Первое изъ нихъ касается догматовъ вѣры католической, а послѣднее излагаетъ католическую мораль подъ видомъ евангельской. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ сочиненіи авторъ не слѣдуетъ никакому опредѣленному и строго систематическому, научному плану, а увлекается фантастическою игрою своего религіознаго энтузіазма и порывами неумолкаемаго краснорѣчія. Отличительный характеръ послѣднихъ изъ поименованныхъ твореній Боссюэта—какая-то сердечная мягкость, эластичность и изящная простота выраженій. Здѣсь рѣчь льется изъ устъ оратора-поэта свободно, языкъ энергичный, съ смѣlostію и поразительною живостію слова, которое дышетъ проблесками легкой, увлекательной поэзіи. Тутъ видимъ, какъ высоко способна парить мысль человѣческая, воскрешаемая религіознымъ жаромъ.

Какъ скоро подъ вліяніемъ такого религіознаго энтузіазма пылкаго епископа католицизмъ воскресъ въ московѣ

1) Всѣ перечисленные нами сочиненія Боссюэта помѣщены въ 9 и 10-мъ томахъ полнаго собранія его произведеній, изд. бенедиктинцами въ 1786—87 г.

2) Ibid.

«діоцезія», Боссюэть приступилъ къ выполнѣнію главной задачи своей жизни и дѣятельности—къ окатоличенію кальвинистовъ. Вспоминая про необыкновенные успѣхи мецкой миссіи, онъ вознамѣрился и въ Мо учредить тоже самое. И вотъ въ одномъ изъ приходовъ этого города организуется цѣлое общество самыхъ способныхъ католическихъ миссіонеровъ, между которыми особенно прославились аббаты—Фенелонъ и Флери. Управляя дѣйствіями членовъ этого общества, Боссюэть для большаго успѣха дѣла соединялъ чудныя и увлекательныя проповѣди съ пышными церковными процессіями и церемоніями, которыя обаятельно дѣйствовали на умъ и чувства изумленной народнои массы. А такъ какъ общество москитхъ кальвинистовъ по преимуществу состояло изъ подобнаго мало-образованнаго люда: то миссіонеры, разумѣется, быстро и легко шли къ своей цѣли. Ослѣпленная наружностью блескомъ римско-католическихъ церемоній, невѣжественная протестантская чернь толпилась у порога епископскаго дома и безъ дальнихъ размышленій присоединялась къ римской церкви. Для утвержденія такихъ новообращенныхъ въ истинныхъ католицизма Боссюэть часто собиралъ ихъ въ своей домовой «капеллѣ», гдѣ искусно велъ съ ними самыя простыя и удобопонятныя бесѣды о предметахъ вѣры. Когда же это средство мало помогало успѣхамъ народнаго религіознаго образованія: то находчивый епископъ замѣнилъ такія публичныя и общія собесѣдованія частными бесѣдами съ каждымъ семействомъ порознь и даже съ каждымъ лицомъ особо. Желая еще успѣшнѣе повести дѣло народнаго просвѣщенія въ католическомъ духѣ, Боссюэть учредилъ въ провинціальныхъ округахъ моской «діоцезіи» множество народныхъ школъ и опредѣлилъ туда самыхъ благонадежныхъ наставниковъ—іезуитовъ, въ родѣ напримѣръ Шуберта ¹⁾. Какъ хитрые

¹⁾ Vie de Bossuet, chap. XII, p. 123—134.

іезуиты, эти господа пустили въ ходъ весь запасъ своей іезуитской мудрости и ловкой тактики. Они всѣми мѣрами старались располагать къ себѣ дѣтей протестантскихъ, а иногда даже насильно похищали ихъ у родителей. Конечно, дѣтей не трудно было совратить въ католицизмъ. Стоило лишь приласкать ихъ разъ, или два получше, чтобы расположить въ свою пользу ихъ довѣрчивыя, неопытныя сердца. А изъ любви къ своимъ дѣтямъ, отъ не-желанія потерять ихъ навсегда, и родители волею, или не волею готовы были отказаться отъ исповѣданія началъ протестантскаго вѣроученія, котораго они не понимали, какъ слѣдуетъ. Предупредительный геній Боссюэта и не давалъ имъ никакой возможности поразмыслить объ этомъ въ часы свободнаго досуга. Неутомимый епископъ москій то-и-дѣло, что составлялъ для нихъ и рассылалъ для обнародованія по всей епископіи пастырскія инструкціи, письма и увѣщанія, въ которыхъ безъ зазрѣнія совѣсти рисовалъ протестантизмъ съ самой черной стороны. Ловко уклоняясь отъ рѣшенія вопросовъ трудныхъ и темныхъ, поднятыхъ еще первыми реформаторами, онъ ограничивался лишь показаніемъ того, какъ смѣшны и странны ихъ нападки на идолопоклонство римской церкви. При этомъ онъ искусно пользовался исторією для напоминанія москитъ протестантамъ о столь недавнемъ и не совсѣмъ-то почетномъ происхожденіи ихъ церквей, а въ частности московской церкви, которая, какъ извѣстно, основана Петромъ Леклеркомъ, необразованнымъ чесальщикомъ льна. Чтобы еще сильнѣе поражать умы недальновидныхъ простолюдиновъ, Боссюэтъ съ необыкновеннымъ умѣньемъ противопоставлялъ не привлекательнымъ сторонамъ и чертамъ новой религіи и ея церковной богослужебной практики свѣтлыя, заманчивыя черты и стороны римско-католическаго вѣроученія и обрядоваго богослуженія. Въ такомъ именно тонѣ и духѣ написаны его сочиненія:

а) «Instruction pastorale sur les promesses de Jesus Christ à son eglise, б) Traité de communion sous les deux especes; в) Lettre pastorale pour horter les nouveaux catholiques à faire leur paques et leur donnees les avertissemens necessaires contre les fausses lettres pastorales des ministres; г) Lettre sur l'adoration de la croix; д) Un sermon sur le bonheur de la s. Vierge» и т. п. Конечно, протестантскіе пасторы не могли равнодушно смотрѣть на такую энергичную дѣятельность знаменитаго католическаго миссіонера-епископа. Ученые—Жюрье, Бастидъ, Баснажъ и другіе рѣшились немедленно изобличить ложь и представить протестантизмъ въ натуральномъ его видѣ. И вотъ завязалась сильная и роковая полемика между лучшими начальниками двухъ враждебныхъ религіозныхъ лагерей. Полемика эта теперь уже принимаетъ иной оттѣнокъ и характеръ. Прежде въ дѣлѣ религіозной брани Боссюэтъ держался почти исключительно одного оборонительнаго положенія, старался только защитить католицизмъ отъ нападокъ со стороны противной партіи. Теперь напротивъ онъ уже самъ нападаетъ на протестантизмъ,—нападаетъ смѣло и рѣшительно. Потому-то новая рѣчь его отличается особенною рѣзкостью слова. Въ этомъ словѣ отразилась вся желчность и раздражительность горячей натуры Боссюэта. Онъ уже не скупится на бойкія выраженія и крѣпкія слова. Различными рѣзкими эпитетами величаетъ онъ какъ основныя начала протестантизма, такъ особенно его проповѣдниковъ и исповѣдниковъ. Такими именно чертами изобилуетъ его замѣчательное полемическое произведение—«Histoire des variations des eglises protestantes». Это твореніе состоитъ изъ 15 книгъ, или частей. Цѣль автора—доказать, что «самый строй реформациі необходимо заставляетъ ее постоянно измѣняться, что потому реформаторскія церкви не имѣютъ характера истинно христіанской церкви и

*

что, слѣдовательно, это имя принадлежитъ одной только римской церкви, которая вѣрно и неприкосновенно сохраняетъ догматы вѣры». Чтобы лучше подтвердить всѣ эти предположенія, Боссюэтъ исторически слѣдитъ за ходомъ жизни разныхъ реформаторскихъ сектъ и общинъ и на основаніи подлинныхъ актовъ показываетъ, какъ лютеранизмъ и протестантизмъ во всѣ времена видоизмѣнялись не только въ частностяхъ своихъ религіозныхъ системъ, но и въ цѣломъ составѣ своихъ церквей, въ своихъ синодахъ, символахъ вѣры и т. д. И справедливость требуетъ замѣтить, что авторъ съ неподражаемымъ искусствомъ артиста-художника рисуетъ картину непрерывныхъ перемѣнъ и взаимныхъ противорѣчій разныхъ протестантскихъ религіозныхъ доктринъ. Какъ видите, католическій прелатъ напалъ на самую слабую струну реформации. Протестанты, дѣйствительно, не могутъ похвалиться постоянствомъ и стойкостью своихъ вѣроисповѣдныхъ положеній. Причина этого—та, что протестантизмъ предоставляетъ каждому право личного, свободного изслѣдованія въ дѣлѣ религіи. Пользуясь такимъ правомъ, каждая новая секта, или община реформаторская смѣло измѣняетъ по своему произволу религіозныя начала реформации. Эти-то всегдашнія, разнообразныя видоизмѣненія подмѣчаетъ и изображаетъ Боссюэтъ въ упомянутомъ сочиненіи. И напрасно Баснажъ и Жюрье пытались оправдать измѣняемость протестантскихъ церквей и общинъ. Напрасно они старались доказать, что «вообще все христіанское вѣроученіе составлялось не иначе, какъ постепенно, по частямъ, и потомъ постоянно развивалось, пополнялось и, слѣдовательно, видоизмѣнялось» ¹⁾. Искусный діалектикъ Боссюэтъ написалъ немедленно: 1) «*Defense de l' Histoire des variations des eglises protestantes contre*

¹⁾ Oeuvres de Bossuet, t. 11. Introduction p. 5—8.

«Jacque Basnage, ministre de Rotterdam». 2) «Avertissemens aux protestans sur les lettres du ministre Jurien contre l'«Histoire des variations...». Въ томъ и другомъ сочиненіи авторъ по пунктамъ разбиваетъ каждое изъ положеній и возраженій, представленныхъ оппонентами. Итакъ защитникамъ протестантизма по необходимости приходилось уступить на этотъ разъ и отговариваться лишь тѣмъ, что реформаторы никогда не претендовали на непогрѣшимость своего ученія. Такая оговорка, конечно, ничуть не помогала дѣлу. По прочтеніи означенныхъ сочиненій Боссюэта, каждый видѣлъ, что новые апостолы реформаціи, пропагандируя ея начала, сами не понимаютъ себя, не сознаютъ отчетливо самыхъ важныхъ пунктовъ христіанскаго вѣроученія. Вотъ почему въ каждой частной протестантской редакціи исповѣданіе вѣры видоизмѣняется по произволу человѣческому; въ одно и то же время и въ одной и той же странѣ проповѣдуются символы, почти что противоположные, и неизмѣняемый характеръ догматовъ христіанскихъ замѣняется въ протестантскихъ церквяхъ игристыми причудами фантазіи человѣческой мысли. Такъ какъ все это рельефно раскрыто въ поименованныхъ выше трудахъ Боссюэта: то читатели ихъ, естественно, получали невыгодное понятіе о протестантизмѣ. Сила полемики Боссюэта тѣмъ болѣе дѣйствовала на умы кальвинистовъ, что съ краснорѣчивымъ словомъ знаменитаго прелата московской церкви соединилось самое дѣло. Какъ іезуитъ, Боссюэтъ никогда не задумывался надъ выборомъ средствъ къ достиженію своихъ цѣлей. Поэтому и для обращенія кальвинистовъ своей «діоцезіи» въ католицизмъ онъ употреблялъ рѣшительно всѣ возможные мѣры—и моральныя, и матеріальныя, и ласки и угрозы. Для новообращенныхъ онъ строилъ, напримѣръ, разныя пріюты, госпитали со всѣми удобствами, на содержаніе которыхъ ежегодно расходовалъ огромныя суммы собственныхъ

денег¹⁾. Благодаря такой заботливости щедрого архипастыря, окатоличенные кальвинисты жили спокойно и нетерпѣли никакихъ насилій отъ свѣтской, полицейской власти. Не такъ-то спокойно жилось упорнымъ кальвинистамъ въ предѣлахъ московской «діоцезіи». Боссюэтъ обращался съ ними совершенно иначе. Замѣчая, что инструкціи и другія сильныя духовныя мѣры не убѣждаютъ ихъ, грозный епископъ не разъ прибѣгалъ за помощію къ гражданской власти. Вслѣдствіе его настоятельныхъ просьбъ и требовательныхъ рапортовъ не однократно наряжались военныя «эксекуціи» въ дома и поселенія протестантскія; имущество кальвинистовъ часто конфисковалось. Впрочемъ подобный методъ обращенія съ протестантами считался тогда во всей католической Франціи самымъ современнымъ и благопотребнымъ. Предоставляя разныя государственныя льготы, щедро осыпая высшими почестями и наградами тѣхъ, которые входили въ лоно римской церкви, Людовикъ XIV-й лишалъ непокорныхъ гугенотовъ всѣхъ гражданскихъ правъ и привилегій²⁾. Во всей Франціи кальвинисты не могли занимать общественныхъ должностей. Чтобы еще сильнѣе стѣснить положеніе кальвинистовъ во Франціи, король, по совѣту Боссюэта и другихъ авторитетныхъ прелатовъ, отмѣнилъ нантскій эдиктъ, столь-важный для кальвинистовъ³⁾. Такимъ образомъ эти французскіе реформаты лишились и послѣдней своей опоры, которая гарантировала ихъ отъ конечной гибели. Новымъ королевскимъ указомъ предписывалось смотрѣть на кальвинизмъ не какъ на дозволенную въ государствѣ религію съ правомъ свободнаго управленія свсего богослуженія, а какъ на зловредную ересь, которую слѣдуетъ, какъ можно скорѣе, истреблять и искоре-

¹⁾ Vie de Bossuet, ch. XI, p. 115—123.

²⁾ Louis XIV..... par Carpeffique T. 1. p. 78—85.

³⁾ Это отмѣненіе послѣдовало 22-го окт. 1685 г.

нять. Во исполненіе подобныхъ высочайшихъ указовъ и приказовъ каждый французъ-католикъ, а тѣмъ болѣе чиновникъ и полиціантъ почиталъ для себя священнымъ долгомъ—тѣснить, какъ можно сильнѣе, сосѣда-иновѣрца.. Католическая полиція и провинціальныя «интенденты» не дремали ни на минуту. Они всюду шныряли, вездѣ развѣдывали,—гдѣ, какъ и въ какомъ числѣ живутъ новѣйшіе еретики, и обо всемъ подробно, точно и аккуратно рапортовали правительству. Тогда парламентъ и королевскій совѣтъ приступали къ рѣшительнымъ мѣрамъ. А такъ какъ исполнительная власть полиціи находилась въ рукахъ тоже самыхъ рьяныхъ поборниковъ католицизма: то понятно, какъ жестоко доставалось послѣдователямъ гонимой религіи. Строгіе экзекуторы-коммиссары ни на йоту не щадили ни ихъ имуществъ, ни самой личности ихъ. Особенно много пострадали отъ подобныхъ пытокъ жители провинцій—Лангедока, Дофинэ и Севенскихъ горъ. Извѣстно, что эти мѣста служили главнымъ притономъ и убѣжищемъ для французскаго кальвинизма. Вотъ почему сюда-то направлено было все вниманіе гонителей кальвинизма. Тутъ на головы несчастныхъ градомъ сыпались ужасныя королевскіе эдикты, по которымъ у нихъ отнимали всѣ тѣ привилегіи, какія имъ были предоставлены великодушнымъ Генрихомъ IV-мъ. Эти жалкія существа не только теряли свои прежнія родовыя и личныя достоинства, отличія, но лишались также всѣхъ должностей, которыя доставляло имъ общественное уваженіе, и даже насущнаго пропитанія. Имѣнія ихъ, дома, усадьбы, земли и т. д. постоянно описывались и отбирались въ государственную казну, или отдавались то на аренду, то, какъ даръ, въ вѣчное владѣніе закоренѣлымъ католикамъ. Протестанты утратили даже религіозную свободу совѣсти, которою наслаждались до отмѣненія нантскаго эдикта. Теперь имъ запрещали строго-настрога строить новые и поправ-

лять старые храмы, отправлять въ нихъ богослуженіе по своимъ книгамъ и уставамъ. Мало того, теперь немилосердно разрушали и сожигали всѣ ихъ храмы, расхищая ихъ имущество и деньги до послѣдняго «пистоля». И напрасно пасторы старались ободрять и воодушевлять упавшія духомъ, несчастныя жертвы католическаго фанатизма! Напрасно Жюрье поспѣшилъ обнародовать въ 1686 году «*Accomplissement des Profeties*», въ которомъ, на основаніи Апокалипсиса, предрекалъ самое близкое паденіе папской тиранніи, какъ власти антихристіанской! Геній Боссюэта не замедлилъ разбить это сочиненіе. Въ 1689 году онъ опубликовалъ «*Explication de l' Apocalypse*», гдѣ изъяснялъ эту священную книгу по тому плану, какому слѣдуетъ блаженный Августинъ въ своемъ твореніи «*De civitate Dei*». Углубляясь въ аналитическій разборъ различныхъ смысловъ книги Откровенія св. Іоанна Богослова, Боссюэтъ старался только показать и доказать, что самая важная и большая часть пророчествъ этой священной книги уже давно исполнилась въ фактъ паденія языческой римской имперіи и что, слѣдовательно, ихъ нельзя никакимъ образомъ прилагать къ Риму христіанскому, т. е. католическому. «Провидѣнію угодно было, краспорѣчиво резонерствуетъ католическій экзегетъ, чтобы языческій Римъ, отягченный кровію мучениковъ, погибъ отъ собственной же ярости, и чтобы имперія, основанная на любви и милосердіи, заступила мѣсто той имперіи, величіе которой исключительно было основано на честолюбивомъ сознаніи своихъ завоевательныхъ побѣдъ, опустошавшихъ вселенную» ¹⁾. Что касается до тѣхъ пророчествъ Апокалипсиса, которые могутъ относиться не къ прошедшему, а только къ будущему времени: то находчивый умъ Боссюэта и тутъ не потерялся, не запутался. Онъ придумалъ разсматривать ихъ, какъ непостижи-

¹⁾ Oeuvres de Bossuet, t. VI. p. 118—124.

мы для слабаго нашего разума. «Будущее, говоритъ Боссюэтъ, всегда совершается иначе, чѣмъ какъ полагаемъ мы, и то, что Богъ отрываетъ намъ изъ будущаго, происходитъ вопреки нашимъ ожиданіямъ и гаданіямъ. Поэтому не спрашивай меня ни о чемъ изъ будущаго» ¹⁾. Какъ видите, авторъ умѣлъ изъ воды выбраться сухимъ. Послѣ такого литературнаго пораженія протестантскимъ пасторамъ оставалось молчать. Да предупредительное правительство и не позволяло имъ много говорить. За каждое лишнее и бойкое слово противъ католицизма ихъ наказывали то ссылкой на галеры, то жестокими арестами, то разорительными конфискаціями имѣній, то изгнаніемъ изъ предѣловъ Франціи, а иногда даже осуждали ихъ прямо на смертную казнь. Стѣняемые со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ, кальвинисты наконецъ не выдержали; большая часть изъ нихъ ушла тайно за границу, а оставшіеся на прежнемъ мѣстѣ взяли за оружіе. И вотъ запылала ожесточенная междуусобная война внутри французской монархіи. Заграничные переселенцы встрѣтили живое сочувствіе въ голландскихъ и германскихъ единоувѣрцахъ, и потому скоро подали сильную руку помощи своимъ преслѣдуемымъ прежнимъ соотечественникамъ. Къ сожалѣнію, какъ ни велика была эта помощь, хотя протестанты энергично взяли за дѣло, хотя Севенскія горы прекрасно укрывали ихъ отъ меча непріятельскаго; но врагъ былъ несравненно сильнѣе ихъ. Правильно организованная королевская армія систематически поражала ихъ на каждомъ шагѣ. Такое критическое положеніе заставило кальвинистовъ, скрѣпя оердце, просить мира у католиковъ. Католики тоже съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія тягостной междуусобицы, не мало истощавшей французскіе финансы. Итакъ обѣ партіи единодушно желали мира. А такъ какъ причиною

¹⁾ Ibid.

религіозной войны служили догматическіе раздоры и споры: то, естественно, у многихъ партизановъ общественнаго спокойствія родилась мысль о соединенія церквей. Боссюэтъ горячо взялся за осуществленіе на дѣлѣ этой задушевной своей мысли. Дѣло началось съ Германіи. Придворный духовникъ австрійской императрицы Маргариты, невштадскій епископъ, францисканецъ, Христофоръ Спинола вступилъ въ переговоры съ лютеранскими пасторами, и доказывалъ «диссидентамъ», сколь мало различны существенные пункты аугсбургскаго вѣроисповѣданія отъ опредѣленій тридентскаго собора ¹⁾. Въ такого рода «конференціяхъ» католикъ Спинола слѣдовалъ методу «изложенія вѣры» Боссюэта. Вообще Боссюэтъ былъ его руководителемъ, образцомъ и отъ души радовался успѣхамъ его миссіи. Еще сильнѣе возгорѣлась въ его душѣ надежда на желанный исходъ дѣла, когда Спинола 7 мѣсяцевъ провелъ въ сношеніяхъ съ локкумскимъ аббатомъ Моланомъ и другими ганноверскими докторами богословія. Въ отвѣтъ на предположенія и прозеты Спинолы эти ученые составили новыя примирительныя правила, извѣстныя подъ именемъ: «Regulae circa christianorum omnium ecclesiasticam reunionem». Эти «регулы», вышедшія изъ редакціи уступчиваго и сговорчиваго Молана, были посланы въ Парижъ на разсмотрѣніе Боссюэту, какъ самому авторитетному истолкователю католицизма. Но жаркій поборникъ католическихъ интересовъ не захотѣлъ помириться съ такимъ прозектомъ ганноверскихъ богослововъ, по которому предполагаемое соединеніе церквей могло быть не иначе, какъ при извѣстныхъ условіяхъ, въ случаѣ взаимныхъ догматическихъ и церковно-каноническихъ уступокъ съ той и другой стороны. Москій прелатъ, хотя по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ принадлежалъ къ школѣ примирительнаго направленія, не могъ

¹⁾ Christliche Kirchengeschichte—von Schröck. B. VII, S. 103—107.

однако освободиться отъ общепринятаго взгляда католиковъ на протестантство, и потому стремился скорѣе искоренить его, чѣмъ входить въ братскія, мирныя сношенія съ его представителями. Желая скрыть свое недовольство, Боссюэтъ нарочито молчалъ и не ранѣе, какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ, и то послѣ частыхъ и настойчивыхъ запросовъ со стороны ганноверцевъ, уклончиво отвѣчалъ, что какъ-то нечаянно затерялъ копію съ ихъ статутровъ. Тогда, чтобы поправить дѣло и ускорить конецъ его, Лейбницъ рѣшился лично завязать переписку съ Боссюэтомъ. Эта переписка продолжалась лѣтъ 5, или 6 и точно также не привела къ желанному результату. Причины не-успѣха предпринятой попытки понятны. При первомъ и поверхностномъ знакомствѣ съ подлинными манускриптами и документами этого дѣла замѣчаемъ непримиримое разномысліе между главными представителями обѣихъ религій—Лейбницемъ и Боссюэтомъ. По взгляду протестантовъ, этотъ переговоры долженъ былъ привести въ согласіе обѣ партіи, нисколько не унижая ни одной изъ нихъ. Напротивъ, по взгляду католиковъ,—то былъ споръ, въ которомъ одна изъ двухъ партій должна была остаться побѣдительницею. Лейбницъ ищетъ мира, Боссюэтъ—побѣды. Одинъ руководится желаніемъ союза, другой жаждою господства. Тотъ хочетъ перенести вестфальскій миръ въ область свободы вѣры и совѣсти; этотъ наоборотъ желаетъ изгладить его въ конецъ, со всѣми его моральными слѣдствіями, и замѣнить равенство религіозныхъ правъ подчиненіемъ папскому католическому авторитету. Ясно, споръ логически не могъ кончиться миромъ, поелику Боссюэтъ настойчиво требовалъ, чтобы доказательства догматическихъ положеній одной религіи побѣдили другую, чего никогда не потерпитъ религіозная свобода германской, богословской, раціоналистической мысли. Ожидаемый миръ не могъ и морально привести къ единенію церквей, такъ какъ

въ основѣ его лежало крайнее униженіе побѣжденнаго, а подобный миръ рѣдко бываетъ проченъ и надеженъ. Это не болѣе, какъ миръ лвиный, сохраняющій только права сильнаго. Тутъ не ищите уже сближенія умовъ.

Кромѣ борьбы съ протестантами, Боссюэту еще приходилось вести полемику съ разными католическими сектами того времени. То былъ періодъ роковой борьбы между двумя религіозно-политическими партіями—«казуистами» и «янсенистами». Представителями первой были іезуиты, а второй—ученые изъ Порт-Рояля, строгіе пуритане—католики, во главѣ которыхъ красовались Арнольдъ, Паскаль и Николь. Янсенистамъ не нравилась крайне «казуистическая» ¹⁾ религіозно-нравственная система іезуитовъ; они глубоко презирали распущенную мораль сыновъ Лойолы. Строго пуританская янсенистическая система отрѣшала духъ отъ всякаго рода сенсуализма для того, чтобы довести тѣло до отрицанія самого себя. Янсенисты отрывались отъ міра живаго, дѣйствительнаго для пустыни и уединенія, тогда какъ дѣти Лойолы насквозь были пропитаны идеями житейскаго социализма и стремились приспособить католицизмъ ко всѣмъ условіямъ міра политическаго и общественнаго. Могучій орденъ іезуитовъ всегда руководился двумя главными идеями: а) идеею строго организованнаго корпоратизма, или идеею безусловнаго повиновенія первой мысли своего правительства, б) идеею католическаго социализма, т. е. искуснымъ практическимъ сочетаніемъ въ жизни закона чувственнаго съ закономъ нравственнымъ, пріятнымъ примиреніемъ на практикѣ строгихъ христіанскихъ обязанностей, требованій самоотверженія съ житейскими привязанностями, потребностями, страстями настоящаго немощнаго міра. Однимъ словомъ, іезуиты предлагали всѣмъ нравствен-

¹⁾ Такъ называлась нравств. система іезуитовъ потому, что всецѣло приспособлялась къ каждому случаю и обстоятельству обществ. жизни этого міра.

ный христіанскій законъ въ видѣ такого сладостнаго утѣшенія, которое ничуть не обуздываетъ грѣховныхъ наклонностей нашей чувственной природы. Какъ необходимая реакція этой черезъ-чуръ уже гуманной, свѣтской системѣ, родился духовный пуританизмъ Корнеля Отто, извѣстнаго болѣе под именемъ Янсенія. Основнымъ принципомъ и исходнымъ пунктомъ системы янсенизма послужило ученіе блаженнаго Августина о благодати. Янсенисты постарались развить эту теорію до крайнихъ предѣловъ и начали проповѣдывать отсутствіе свободной воли человѣка въ дѣлѣ спасенія, предопредѣленную неумолимость судебъ, по ученію Кальвина. Отсюда—такой строгій ригоризмъ во всемъ внѣшнемъ поведеніи янсенистовъ. Оставляя всѣ удовольствія мірской жизни, они налагали на себя обѣтъ—точно исполнять евангельскій законъ во всей его строгости. Спасеніе души, совершаемое вседѣйствующею благодатію, и подвиги самоотверженія—вотъ предметъ ихъ мысли и стремленій. А такъ какъ подобныя мысли, какъ нельзя болѣе, гармонировали тогда съ общимъ настроеніемъ умовъ во Франціи, такъ какъ духъ современной реформаціи первѣе всего требовалъ исправленія и улучшенія общественныхъ нравовъ: то янсенизмъ быстро распространялся во французскомъ королевствѣ. Вскорѣ сообщество замѣчательныхъ по уму личностей основало и упрочило этотъ католическій пуританизмъ въ самомъ Парижѣ, гдѣ центральнымъ пунктомъ для него избранъ былъ Порт-Рояль. Такимъ образомъ въ лонѣ обще-католической церкви организовалось особое церковное общество, которое имѣло свои храмы, свои катихизисы, свои молитвы. Система янсенизма вытекала изъ принциповъ совершенно противоположныхъ кореннымъ основамъ іезуитизма. Іезуиты защищали свободную волю человѣка и снисходительно смотрѣли на немощи нашей природы, на страсти ума и сердца. Напротивъ янсенисты держались каль-

виннистического представлѣнія о благодати какъ о началѣ, дѣйствующемъ непреложно, безусловно, развивали теорію о безусловномъ предопредѣленіи и о невозможности избѣжать своей судьбы. Столь противоположныя системы, конечно, не могли мирно уживаться въ одной и той же Франціи. И точно между приверженцами ихъ скоро завязалась страшная литературная полемика. Съ обѣихъ сторонъ градомъ сыпались бранчивые памфлеты, въ которыхъ каждая партія безцеремонно укоряла и ругала другую. Самый замѣчательный изъ такихъ памфлетовъ составляютъ: «Lettres provinciales» — Паскаля, въ которыхъ авторъ прекрасно обрисовалъ распущенную мораль, зазорную жизнь и хитрую тактику іезуитовъ. Эта оживленная борьба въ самомъ нѣдрѣ католицизма, разумѣется, уменьшала значеніе римско-католической церкви въ глазахъ протестантовъ. Реформаторы съ восхищеніемъ перечитывали всѣ сатирическія брошюры на казуистовъ, какія почти ежедневно выпускала порт-рояльская редакція. Итакъ интересы церкви и государства требовали немедленнаго примиренія противниковъ. Боссюэтъ ясно сознавалъ вопиющую необходимость этого факта и потому рѣшился принять на себя роль примирителя. По образцу сочиненія блаж. Августина «De libero arbitrio», онъ написалъ для янсенистовъ замѣчательный трактатъ «О свободномъ произволеніи» ¹⁾. Трактатъ этотъ малъ по объему, за то богатъ высокими идеями. Бытіе свободы въ челоувѣкѣ Боссюэтъ доказываетъ двумя очевидными свидѣтельствами: а) показаніями чувствъ и опыта, б) свидѣтельствомъ разсудка и откровенія... За тѣмъ мыслитель рѣшаетъ возраженія, касающіяся совмѣстимости дѣйствій божественнаго провидѣнія съ дѣйствіями нашей свободы. Цитуя различныя сужденія и мнѣнія объ этомъ разныхъ западныхъ теологовъ, московскій философъ придерживается глав-

¹⁾ Въ подлинникѣ оно такъ озаглавляется: «Du libre arbitre».

нымъ образомъ мнѣнія оомистовъ и съ логическою послѣдовательностію развиваваетъ ученіе, по которому человѣкъ свободенъ, какъ скоро Богъ желаетъ его свободы. Впрочемъ оомисты не вполне рѣшали вопросъ:—какъ свободное произволеніе человѣка мирится съ опредѣленіями вѣчнаго провидѣнія. Что касается до Боссюэта, то онъ высказываетъ объ этомъ все, что только можетъ отвѣчать на подобные вопросы религіозная душа католическаго прелата. И если онъ не рѣшаетъ всѣхъ запутанныхъ затрудненій даннаго вопроса, или рѣшаетъ посредственно: то на это замѣтимъ, что тѣ научныя начала, какихъ должно держаться при рѣшеніи всѣхъ частныхъ упомянутаго вопроса, западъ узналъ не такъ давно, и только новѣйшее время указало слабыя стороны прежнихъ попытокъ рѣшенія ихъ западными теологами.

Вразумляя янсенистовъ, Боссюэтъ не оставилъ безъ приличныхъ наставленій и своихъ прежнихъ воспитателей-іезуитовъ. Благоразуміе и желаніе мира побудили москаго епископа сгладить крайность моральной системы казуистовъ. Съ этою цѣлію онъ немедленно издастъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *De la concupiscence*. Здѣсь искусная кисть художника-автора рельефно рисуетъ печальную картину всѣхъ злоупотребленій, какія обыкновенно происходятъ отъ неудержимаго разгара человѣческихъ страстей и отъ безпорядочной свободы капризнаго произвола, свосволенія чедовѣка. Какъ бы съ факеломъ въ рукѣ, Боссюэтъ смѣло погружается въ мрачную глубину внутренней бѣдности нашего существа и съ беспощаднымъ анализомъ философской мысли критика обнаруживаетъ ничтожество нашей природы. Стыдишься самого себя, желаешь скрыть свое лице, при чтеніи тѣхъ поразительныхъ, рѣзкихъ рисунковъ, въ которыхъ человѣкъ очерченъ, какъ низкій рабъ своей плоти, ожидающій отъ нея всѣхъ своихъ земныхъ радостей и наслажденій. Читая такіа

мѣста, невольно удивляешься тому, что носишь въ себѣ самомъ столько дурныхъ сѣмянъ. Вообще это сочиненіе Боссюэта есть какъ бы ясный экзегетическій комментарий на слова сятаго евангелиста: *«не любите міра, ни яже въ мірѣ... яко «все, еже въ мірѣ, похоть плотская, и похоть очесъ, и гор- «достъ житейская...»* ¹⁾. Стиль Боссюэта принимаетъ здѣсь все свое величіе для того, чтобы яснѣе разоблачить поврежденность нашей природы и тѣмъ сильнѣе поразить ея гордое самообольщеніе и самолюбіе. Выраженія въ этомъ трактатѣ одушевленны, величественны, сильны. Они исполнены того лиризма, который обхватываетъ васъ и уноситъ въ своемъ быстромъ потоцѣ чувствъ и мыслей. Такое сочиненіе, равно какъ и трактатъ «О свободномъ произволеніи», не могли не вліять на умы современниковъ. И точно, теперь раскрылись глаза у членовъ обѣихъ заблуждающихся и враждующихъ партій католицизма. Теперь тѣ и другіе увидали ясно крайности своихъ системъ и—война между ними на время стихла. Впрочемъ мстительные іезуиты не удовлетворились наступившимъ перемиріемъ. Они въ конецъ разорили главный приютъ яansenизма—Порт-Рояль.

Не меньшихъ трудовъ стоило Боссюэту—успокоить умы католической Франціи, взволнованные сильно въ 17-мъ вѣкѣ мистическимъ квіетизмомъ. Эта мечтательная секта получила свое начало въ Испаніи. Родоначальникомъ ея считается Michel Molinot, испанскій священникъ въ Сарагосѣ. Ученики его названы квіетистами потому, что, по ученію ихъ, высшее духовное совершенство, какое только возможно для христіанина въ земной жизни, состоитъ *«dans l'oraison de quietude»*, т. е. въ спокойіи, молитвенно-созерцательномъ настроеніи духа, невозмущаемаго ничѣмъ вѣшнимъ, земнымъ. Поэтому вся задача и цѣль квіетизма ограничивается жела-

¹⁾ 1 Иоан. 2, 15. 16.

ніемъ, или лучше стремленіемъ—довести человѣка до верховнаго совершенства посредствомъ молитвеннаго созерцанія. Для совершенства такого рода молитвы требуется, по ихъ мнѣнію, исключить изъ нея всѣ виѣшнія дѣйствія, какъ напримѣръ: преклоненіе колѣнъ, главы, крестное знаменіе, и т. п. Все это, говорятъ они, бесполезно, даже вредно для стремящихся къ высшему совершенству. Душа, возлюбившая Бога, продолжаютъ они размышлять, ничѣмъ не должна быть смущаема. Она обязана любить Бога «для Него самого», т. е. по убѣжденію одной чистой, безкорыстной любви къ Нему, а не вслѣдствіе ожидаемыхъ наградъ за это, или наказаній. Заботу о временныхъ и вѣчныхъ благахъ и объ устраненіи бѣдствій она предоставляетъ Провидѣнію, не боясь однихъ и не помогаясь другихъ». Такое-то состояніе совершеннаго безкорыстія квіетисты называютъ состояніемъ «святаго индифферентизма», а выражаясь метафорически—«горою мира», «возлюбленнымъ покоемъ», «духовными ясновидѣніями». Въ этомъ состояніи, учатъ они, душа, поистинѣ, обоготворяется, она теряетъ свою земную, настоящую субстанцію и преобразуется въ субстанцію божественную, погружается въ сущность Божества столь глубоко, что никакое твореніе не можетъ найти ея» ¹⁾. Вотъ до чего доводитъ человѣка сумасбродство крайняго мистицизма! Судя по такой характеристической темнотѣ ученія квіетистовъ, ихъ систему можно назвать утонченнымъ видоизмѣненіемъ мистическаго богословія древнихъ гностиковъ. Въ самомъ дѣлѣ, созерцательный квіетизмъ имѣетъ разительное сходство съ спиритуализмомъ сирійскихъ гностиковъ. Гностики также смотрѣли на созерцательное состояніе души, какъ на состояніе высшаго и самаго желаннаго совер-

¹⁾ Система ученія этихъ квіетистовъ изложена въ предисловіи къ 8-му тому сочиненій Боссюэта, изд. бенедиктинцами въ 1736—37 г. Въ этомъ же томѣ, равно какъ и въ 9-мъ, помѣщены всѣ произведенія Боссюэта противъ квіетистовъ.

шенства, при которомъ только человѣкъ и можетъ достигать
высшаго вѣдѣнія сокровенныхъ таинъ Божества. Подобно
гностикамъ и подъ вліяніемъ воспламененной фантазіи, рели-
гіозные квіетисты воображали, будто созерцаютъ на небѣ
самого Бога и пламенныхъ херувимовъ, окружающихъ Его
пресвѣтлый престолъ. Такія заоблачныя мечты и выпрєннія
созерцанія французскихъ спиритуалистовъ 17 вѣка обаятельно
дѣйствовали на пылокое воображеніе французовъ. Кромѣ того,
квіетизмъ проповѣдывалъ о какой-то совершеннѣйшей, чисто
духовной и ничего не дѣлающей любви къ Богу, а такія
теоріи весьма гармонировали съ природной мягкостію фран-
цузскаго сердца, такъ всегда расположеннаго къ изліянію
нѣжныхъ чувствъ. Вслѣдствіе такихъ-то психологическихъ
причинъ примаивый квіетизмъ въ короткое время сильно
распространился во Франціи. Особенно увлекались имъ жен-
щины. Первыми и самыми усердными распространителями
его теорій въ французскомъ обществѣ были: Франсуа Моле-
валь, Лякомбъ и особенно Гюйонъ. Онѣ предпринимали уто-
мительныя путешествія по городамъ и селамъ Франціи съ
увлекательною, устною и письменною проповѣдію. Извѣстны
ихъ сочиненія: 1) «D' analyse de l' oraison mentale, 2) Moyen
«lourd et facile pour faire l' oraison, 3) Le cantique des cantiques,
«interprete selon le sens mystique, 4) La representation de voies
«interieures» и т. д. Всѣ эти сочиненія отличаются крайнимъ
развитіемъ началъ созерцательнаго мистицизма. Въ нихъ рѣ-
шительно отрицается необходимость и значеніе христіанскихъ
храмовъ и обрядоваго христіанскаго богослуженія. Такія
страшныя и пагубныя идеи чрезвычайно перепугали всѣхъ
лучшихъ представителей французскаго католицизма того вре-
мени. Боссюэту уже представлялось близкое паденіе религіи
во всей Франціи, погашеніе вѣры въ недалекомъ будущемъ,
уничтоженіе благочестія и т. п. Поэтому онъ рѣшился про-

грозить противъ опаснаго новаго ученія. Немедленно завязалась самая оживленная переписка между нимъ и главною виновницею его душевныхъ тревогъ—Гюйонъ. Отъ этой интересной корреспонденціи сохранилось 433 письма Боссюэта о квіетизмѣ. Въ нихъ авторъ употребилъ всѣ силы своего ума и краснорѣчія для вразумленія заблуждающейся квіетистки. Но переполненная идеями созерцательнаго квіетизма, Гюйонъ и не подмѣчала въ себѣ какой либо ошибки. Она чистосердечно признавалась прелату, что ощущаетъ во всемъ своемъ существѣ обильный токъ какого-то пророческаго энтузіазма, «что она до такой степени отвыкла отъ всѣхъ внѣшнихъ дѣйствій благочестія и молитвы, что не нуждается ни въ какихъ молитвенныхъ прошеніяхъ къ Богу». Какъ видите, письма Боссюэта не дѣйствовали на нее. Это побудило москаго епископа нарочито отправиться въ Парижъ для словесныхъ состязаній съ непреклонною личностію. Но и эти личные разговоры съ упорною «иллюмпнаткою» нисколько не помогли дѣлу. Убѣжденная въ вѣрности своихъ воззрѣній, Гюйонъ не только не думала раскаяваться, а еще упросила короля нарядить особую духовную комиссію для изслѣдованія ея ученія и оправданія ея личности. Вслѣдствіе этого въ Иссахъ вскорѣ составилъ соборъ изъ избранныхъ епископовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Боссюэтъ. Послѣ долгаго испытанія дѣла эти духовные комиссары составили 34 статьи, которыми вполне осуждалось мистическое богословіе квіетистовъ. По возвращеніи въ Мо, Боссюэтъ опубликовалъ (11 апр. 1695 года) «Ordonnance sur l' Etats d' oraison» съ цѣлю предохранить своихъ пасомыхъ отъ новыхъ спиритуалистическихъ заблужденій. Впрочемъ такое торжественное осужденіе квіетизма далеко не остановило развитія этого ученія во Франціи. Какъ скоро осужденная Гюйонъ была арестована и заключена въ Бастилію, за нее вступились приверженцы ея теорій. И вотъ начи-

нается продолжительный диспутъ между двумя великими свѣтилами тогдашняго французскаго католицизма—Боссюэтомъ и камбрейскимъ архіепископомъ Фенелономъ. Послѣдній немедленно опубликовалъ, въ февралѣ 1697 года, сочиненіе подъ заглавіемъ: «De l'explication des maximes des saints», гдѣ старался объяснить сущность истиннаго спиритуализма. Онъ хотѣлъ отличить истинный спиритуализмъ отъ ложнаго, уясняя выраженія древнихъ и новѣйшихъ мистиковъ и спиритовъ. Для опроверженія его епископъ москвій написалъ одно за другимъ нѣсколько полемическихъ сочиненій, изъ которыхъ замѣчательны: а) Relation sur le quietisme, б) Tradition des nouveaux mystiques. Въ обоихъ сочиненіяхъ высказывается особенная горечь и желчность натуры Боссюэта. Вообще въ этой полемикѣ Фенелонъ интересуется всѣхъ нѣжностію своихъ впечатлѣній и пріятностію своего языка, а Боссюэтъ въ порывахъ горячей ревности заходитъ уже слишкомъ далеко, такъ что слово его дышетъ гнѣвомъ. Онъ настойчиво обличаетъ Фенелона въ неточности выраженій, благопріятствующихъ современнымъ фантазерамъ, въ ложномъ пониманіи и толкованіи правилъ древнихъ святыхъ мистиковъ—Діонисія Ареопагита, Климента александрійскаго, и т. д. Здѣсь честолюбивый прелатъ опровергаетъ сумасбродный квіетизмъ основательно, но безъ всякихъ началъ любви и состраданія къ своему прежнему другу.. Съ бурною, неудержимою запальчивостію нападаетъ онъ на представленныя Фенелономъ объясненія и отвѣты и пристрастно поражаетъ его «правила святыхъ», въ которыхъ квіетизмъ представленъ въ утонченно-благородномъ и смягченномъ видѣ, основывающемся на чистой, безкорыстной любви къ Богу. Когда дѣло приняло такой серьезный оборотъ: то Фенелонъ упросилъ короля перенести споръ въ Римъ на судъ верховнаго трибунала католическаго въ дѣлахъ вѣры и религіозныхъ споровъ. Гордый Римъ чрезъ-

вычайно обрадовался. Отъ него теперь зависѣло рѣшить участь, такъ или иначе, двухъ самыхъ авторитетныхъ прелатовъ Франціи, и притомъ поборниковъ галликанизма. Въ надмѣнномъ сознаніи своей силы, Римъ медлилъ произнести приговоръ надъ Фенелономъ. Нетерпѣливый Людовикъ не разъ побуждалъ папу ускорить свой третейскій судъ. Наконецъ папа изрекъ велегласное осужденіе, и свое рѣшеніе немедленно послалъ съ курьеромъ въ Парижъ. Какой триумфъ насталъ теперь для Боссюэта! Онъ былъ въ тотъ самый моментъ при дворѣ и отъ всѣхъ получалъ поздравленія. Къ нему бѣжали толпою и привѣтствовали, какъ спасителя вѣры. Самъ Людовикъ XIV-й поддержалъ его съ честію. Въ 1696 году Боссюэтъ попалъ въ число членовъ государственнаго совѣта, а въ 1698 г. былъ пожалованъ высоко-чтимымъ титуломъ «перваго раздавателя милостыни при бургундской герцогинѣ».

Въ такихъ трудахъ окончилъ жизнь свою Боссюэтъ въ 1704 году. Жизнь и дѣятельность его оставляетъ въ историкѣ сильное впечатлѣніе, и издали онъ представляется замѣчательною личностію, стоящею на верху своего вѣка, вліятельною и талантливою. Но ослѣпительная слава его имени основывается болѣе на изящной отдѣлкѣ его языка, чѣмъ на внутреннемъ содержаніи его сочиненій. Его нельзя считать ни краснорѣчивымъ провозвѣстникомъ новаго времени, ни защитникомъ истинъ прошедшихъ поколѣній. Онъ былъ не болѣе, какъ представитель господствовавшаго направленія и настроенія умовъ во Франціи въ 17-мъ вѣкѣ. Замѣчается поразительное согласіе между взглядами и дѣятельностію этого москаго епископа и системою политическихъ дѣйствій и воззрѣній Людовика XIV-го. Оба они преслѣдовали одну форму правленія и приносили жертвы одному кумиру—единству. Для утвержденія на землѣ этого единства они не отступали назадъ

ни предъ какими преградами и препятствіями. Они употребляли рѣшительно всѣ средства для достиженія желанной цѣли. Эти двѣ личности взаимно восполняли другъ друга. Король имѣлъ свою власть, а Боссюэтъ свой геній. Первый вѣрилъ въ себя и требовалъ отъ своихъ подданныхъ повиновенія во имя своего королевскаго титула; второй вѣрилъ въ силу и непогрѣшимость своего слова и требовалъ покорности отъ вѣрующихъ во имя вѣры. Церковь опиралась на государствѣ, а государство опиралось на церкви,—вотъ идеаль, къ которому стремились рука объ руку гордый король, сильный своимъ царственнымъ авторитетомъ, и самолюбивый прелатъ, неуязвимый въ своемъ краспорѣчій. Все въ мірѣ фактовъ преклонилось предъ Людовикомъ XIV-мъ; все въ мірѣ идей падало на колѣни предъ Боссюэтомъ. Одинъ былъ главою національной монархій; другой служилъ ея душою. И какъ громаденъ былъ авторитетъ этихъ двухъ союзниковъ, руководимыхъ одною и тою же мыслию, служащихъ однимъ и тѣмъ же интересамъ!

Но, служа идеямъ и интересамъ національнаго государства, какъ органъ правительства, Боссюэтъ оказалъ столь же важныя услуги и національной церкви. Многотрудная, полувѣковая, неутомимая дѣятельность его, какъ нельзя болѣе, удовлетворяла современнымъ, самымъ вопіющимъ нуждамъ этой церкви. Мы видѣли, какъ отъ страшнаго натиска протестантскихъ началъ реформаціи изнемогалъ, дряхлѣлъ и жертвѣлъ во Франціи духъ католицизма. Подъ крѣпкими и мѣткими ударами сокрушительной реформаторской сѣкиры колоссальное зданіе французской церкви готово было пасть. Роковое паденіе его могло быть тѣмъ скорѣе, что гибельное начало разложенія крѣпко подтачивало не только стѣны, но и основной его фундаментъ. Въ самомъ центрѣ французскаго католицизма то и дѣло, что возникали междуусобные раздоры, внутренніе споры и ссоры—янсенизма съ іезуитизмомъ,

квіетизма съ католическою ортодоксіей, а подобныя партизанскій войны, разумѣется, не могли привести къ добру. Итакъ интересы церкви и католицизма требовали немедленнаго устраненія причинъ этой неминуемой гибели, т. е. прекращенія внутреннихъ неурядицъ и несогласій. Крѣпкими узами единства мысли и вѣры, возможнымъ временнымъ примиреніемъ различныхъ богословскихъ направлений того времени, Боссюэтъ успѣлъ сплотнить и объединить, хотя и не навсегда, разнородныя силы и составныя, жизненные элементы французской католической церкви. Могуцій, геніальный епископъ умѣлъ пріостановить и пѣсколько ослабить непримиримый антагонизмъ силъ, который пораждалъ непрерывныя распри между членами одной и тойже французско-католической церкви. Теперь умиротворенный и одухотворенный католицизмъ французской церкви уже легко могъ собраться съ силами для энергичной борьбы съ иновѣрнымъ врагомъ. Но кромѣ силы тутъ требовалось еще умѣнье—взяться за оружіе. И въ этомъ случаѣ Боссюэтъ показалъ себя великимъ мастеромъ. Едва ли кто либо изъ его современниковъ могъ, подобно ему, также хорошо повести дѣло литературной полемики съ реформаторами. Мы уже знаемъ, какъ сильно вліяло на умы современниковъ его краснорѣчивое слово, полное жизненной енергіи. Слово это, вооруженное крѣпкою силою утонченной, неотразимой діалектики схоластиковъ, не разъ заставляло молчать самыхъ образованныхъ представителей протестантской религіи. Значеніе такого историческаго факта тѣмъ важнѣе, что москову епископу всегда приходилось занимать не совсѣмъ выгодную позицію во время религіозно-полемической борьбы. Тутъ онъ стоялъ часто на самой неблагонадежной почвѣ. Ему приходилось отстаивать несостоятельныя религіозныя начала римскаго папства. Его геній съ большимъ напряженіемъ силъ старался прикрывать здѣсь.

двусмысленными оборотами рѣчи множество неточныхъ и бездоказательныхъ положеній римско-католической папской догматики. Прибавьте къ этому и то еще, что москову діалектику предназначено было отражать рѣшительные удары реформаціи, за которую стоялъ самый духъ того времени,— и вы поймете, какая сила схоластической софистики требовалась отъ Боссюэта для того, чтобы почти всегда выходить побѣдителемъ съ поля этой литературной борьбы. Итакъ, какъ полемистъ и католическій миссіонеръ, Боссюэтъ безспорно имѣетъ важное значеніе для всей католической французской церкви той эпохи. Не забудемъ и того, что Боссюэтъ не только самъ лично полемизировалъ съ протестантами и всюду пропагандировалъ католицизмъ, а вслѣдъ—и въ Мецѣ, и въ Мо—воспитывалъ и организовалъ цѣлые легіоны искусныхъ проповѣдниковъ началъ католическаго вѣроученія.

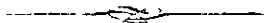
Не маловажное также значеніе для своей церкви имѣетъ этотъ гений французскаго католицизма а) какъ образцовый, придворный ораторъ временъ Людовика XIV-го, который своими блестящими рѣчами довелъ языкъ церковной французской рѣчи до возможно высшей степени совершенства; б) какъ наставникъ дофина, воспитавшій въ немъ ревностнаго и сильнаго поборника интересовъ католицизма; в) какъ защитникъ теоріи галликанизма о свободѣ національной церкви ¹⁾; наконецъ г) какъ примѣрный епископъ и управитель одной изъ

¹⁾ Декларация парижская 1682 г. имѣла для французскаго клира юридическое и политическое значеніе. Утверждая національную церковь на прочныхъ основаніяхъ, она дѣлала клиръ болѣе сильнымъ, ставила его въ лучшія отношенія къ государству. Къ сожалѣнію, авторъ этой деклараціи—Боссюэтъ не умѣлъ разграничивать, какъ должно, интересы церкви отъ интересовъ государства. Что одною рукою отнималъ онъ у свѣтскаго, временнаго авторитета папы, то другою—отдавалъ королю Франціи. Въ этомъ случаѣ Боссюэтъ имѣлъ предъ ультрамонтанами только то преимущество, что показалъ себя болѣе французомъ, болѣе привязаннымъ къ своей странѣ.

самых неустроенныхъ діоцезій или епархій французскихъ, который силою своего ума и желѣзной воли успѣлъ возстановить должный порядокъ въ московской церкви ¹⁾).

М. Лебедевъ.

¹⁾ Этотъ фактъ имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что въ то время во Франціи слишкомъ мало было такихъ дѣятельныхъ епископовъ, каковыми былъ Боссюэтъ. По замѣчанію Капфига (Louis XIV.... t. II, chap. XXVIII, 313—340) тогда епископами были большею частію лица, избранныя по произволу короля, которыя заботились только о полученіи доходовъ съ ввѣренной имъ епископіи, а не о ревностномъ выполненіи своихъ епископскихъ обязанностей. Часто архиепископъ, или епископъ владѣлъ, кромѣ своей діоцезіи, 6-ю или 7-ю отдаленными аббатствами, приносящими 10,000 ливровъ дохода, а между тѣмъ очень рѣдко обзрѣвалъ благосостояніе церквей въ этихъ аббатствахъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ богослуженіе въ нихъ отправлялось небрежно; вообще прелаты рѣдко присутствовали на своемъ мѣстѣ, а чаще всего проживали въ Парижѣ.